

кенэзэ считается диалектным. В современном ногайском есть синонимы: руснизм *книга* и арабизм *китап*.

В киргизский язык вошла только форма *книжка*, которая в литературном употреблении сохраняет русское написание и произношение, а в разговорно-бытовом превращается в *кинешке*. В якутском слово стало звучать *кiнiгä, кiнiгä, кiнiгä, кiрiңä* при неизменном значении, зато *книжка* приобрело звуковой вид *кiнiскä* и получило значение 'сусальное золото', ибо и по-русски листы этого золота в пачках назывались *книжками*. Русское редкое диалектное *книгоцёт* 'любитель читать книги' превратилось в якутское *кiнiгäсiт* 'книжник'. Заимствовано оно и другими языками народов нашей страны.

Слово *книга* являет собою образец так называемого «бродячего слова», или «культурного термина», который легко переходит из одного языка в другой, преодолевая большие расстояния и множество языковых границ (см.: И. Г. Добродомов.— «Русская речь», 1971, № 1). Особенно большую активность оно приобрело в русском языке, из которого его заимствовали многие народы нашей страны; оно стало наглядным отражением культурного влияния русского народа. Распространение таких слов способствует созданию так называемого «общего лексического фонда» во многих языках нашей страны и их сближению на русско-интернациональной основе.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ТОЛМАЧ И ПЕРЕВОДЧИК

Переводческое дело было известно на Руси издавна. Летописец повествует, что уже в XI веке многие писцы для князя Ярослава «прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо» (Лаврентьевская летопись, год 1037 г.). Старинные мастера слова оставили нам богатую переводную литературу. Это богослужебные книги и художественные произведения; труды по астрономии и астрологии, геометрии и географии, естествознанию и философии, по истории инозем-

ных государств; описания путешествий; руководства по военному делу, сельскому хозяйству; лечебники; словари; многочисленные переводы документов. Широко практиковался на Руси и устный перевод — при беседах, переговорах с иноземцами.

Люди, занимавшиеся переводческой деятельностью, по-видимому, долгое время назывались неодинаково. И. И. Срезневский отмечает такие слова, употреблявшиеся в значении 'переводчик': прѣлагъчии, письць, тазыкъ, тълкъ, тълкаръ, тълмачъ (Материалы для Словаря древнерусского языка). Из-за недостатка сведений об употреблении этих слов в ту далекую эпоху мы не можем точно определить смысловые различия между ними.

Постепенно круг слов со значением 'переводчик' сужается. В памятниках более поздней поры, касающихся дипломатических сношений Московского государства, в отчетах царских послов регулярно отмечается лишь наименование *толмач*: «Да толмача бѣ послати хто бѣ умѣлъ говорити по ангилѣйски и по рускии» (1581); «Много намъ о той брани чрезъ толмача повѣдаша» (1582 — 1584); «И царь Арапъ говорилъ толмачю: скажи де посланнику, чтобъ пересталъ говорити рѣчь» (1613—1615); «Для толмачества взять толмача, мужика или жонку, которая бѣ умѣла по-руски и по-юкагирски говорить» (1652); «И бѣи мнѣ холопу вашему самъ и чрезъ толмача говорилъ» (1692 — 1695). Как показывают приведенные примеры, значение слова *толмач* в этот период вполне ясно — 'устный переводчик, посредник при переговорах, беседах'.

В значении 'лицо, занимающееся письменными переводами' в памятниках приблизительно с XVI века отмечается уже слово *переводчик*, или *переводник*: «А что о королеве о арцымагнусове прародителе Фредрике ино нѣчто будетъ, переводчики не гораздо описалися» (Грамота Ивана Грозного королю шведскому. 1573); «Грамоты наши перевести переводчики не умѣли» (1589); «При прежнихъ Великихъ государѣхъ царѣхъ ... многіе переводницы отъ всѣхъ языкъ много святыхъ книгъ на рускій языкъ преложиша» (1616); «Великого государя вашего ... грамота по ся число не переведена, потому на русском языке переводчика сыскать вскоре не мочно» (1667 — 1669); «И какъ они намъ тѣ грамоты показали и переводчики превели и руки свои къ переводамъ приложили» (1680).

О смысловом различии между *толмач* и *переводчик* говорит их одновременное употребление в одном и том же

контексте: «А с ними были у государя у руки ... переводчик Иван Боярчиков, да толмач Лаврентей Пирогов» (1650—1652); «А съ посланники посылаются подъячихъ два человекъ или три, и переводчикъ и талмачи» (Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. 1666 — 1667); «Его королевское величество пожаловаль, указал дать вам, переводчику и толмачю, золотые своего королевского величества жалованья» (1667 — 1669); «Встречали ево у кореты перевотчик да подъячие, да толмачъ» (там же); «А для великого государя посолскихъ дѣлъ посланы были съ нами въ Крымъ: переводчикъ Ахметъ Шакуловъ, толмачъ Григорей Порываевъ» (1680).

Смысловое различие слов *толмач* и *переводчик* подтверждается и употреблением глаголов *толмачить* 'переводить устно' и *переводить* 'передавать текст одного языка средствами другого': «И мы де по тому письму те государевы дела велим перевести на свой аглинской языкъ» (1600); «[Посланники] царю Арапу говорили ... А толмачилъ Семень Гарасимовъ» (1613—1615); «А рѣчи посолские толмачил чернец португалские земли» (1636); «И посланники велели тот лист перевести» (1650—1652); «Василеи... тотъ листъ имъ чел а толмачил Полуехтъ Кучумовъ» (1692 — 1695).

В тех же памятниках письменности встречаются также толмачество и перевод.

Под *толмачеством* понимался обычно устный перевод с одного языка на другой: «А гостем: Фряничку Иванову да Ивану Ульянову выходити [из палаты] не велено для толмачества и роспросу» (1600); «И меня посадили на маломъ корабль съ русскими людьми для толмачества, что они не знаютъ турецкаго языка» (1637); «На силу можемъ выразумѣть съ китайскимъ бояриномъ, что говорилъ между себя, потому что [толмачи] люди безграмотные п неискусные ... и такъ межъ себя боиши догадом разумѣли, нежели толмачествомъ ихъ» (1675—1678).

Под *переводом* разумели либо текст, переведенный с одного языка на другой, либо передачу текста средствами другого языка: «Перевод з грамоты, что писали ко государю ... из Аглинские земли парламентъ» (1645 — 1646); «Книга ратного строю скорописная ... прислаца для переводу из Посолсково приказу» (1649); «Езуить принесъ съ собою переводъ з двухъ листовъ старыхъ китайскихъ на латинскомъ языке» (1675—1678); «Переводъ съ хановой шертной грамоты» (1680); «Перевод с татарского писма

в грамоты какову к великимъ государемъ крымской Гаджи Селим Гирѣи ханъ писал» (1692 — 1695).

Противопоставление слов *толмач* и *переводчик* было вызвано, по-видимому, тем, что посредники при устных переговорах с иностранцами и переводчики письменных актов в то время существенно отличались один от другого и по характеру труда и по общественному положению. Толмачи относились к низшему разряду профессиональных переводчиков. Это были в первую очередь люди, умевшие говорить на одном из иностранных языков. Обширные международные связи Москвы требовали большого количества людей, владевших иностранными языками. Опытных переводчиков не хватало. К переводческой деятельности нередко привлекались выходцы из пограничных государств, пленные, иноземные торговцы, русские, прожившие какое-то время за границей. Из числа этих лиц и пополнялся в основном разряд толмачей.

К переводчикам предъявлялись более высокие требования. Переводчики имели дело не только с документами, но и с произведениями научной, светской и духовной литературы. Они не только умели читать и писать на нескольких языках, но и литературно обрабатывали изложенное, ориентировались в русской и зарубежной общественной жизни. Переводчиков было гораздо меньше, чем толмачей. Так, в Посольском приказе, одном из основных переводческих центров Московского государства, в 1622 году числилось 11 переводчиков и 21 толмач, в 1631 — соответственно 20 и 49, в 1665 — 16 и 41 (С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906). Переводчики, как квалифицированные специалисты, получали и более высокое по сравнению с толмачами жалованье. В том же Посольском приказе переводчики получали от 12 до 150 рублей в год, а толмачи — от 8 до 36.

С 1672 года число толмачей начинает заметно сокращаться, зато увеличивается количество переводчиков. Продолжающееся расширение и усложнение международных связей Москвы требовало высокой культуры не только письменного, но и устного перевода. Труд толмача все более сближался с трудом переводчика. Особое внимание уделялось подготовке образованных переводчиков, в равной степени владевших искусством письменного и устного перевода. Для обучения иностранным языкам молодых людей отправляли за границу. Надобность в толмачах, только устных переводчиках, постепенно отпадала.

Это отразилось и в языке. Посредники при беседе все чаще и чаще начинают именоваться не *толмачами*, а *переводчиками*: «И мы посланники велели говорить переводчику Александру царю» (1650—1652); «А какъ тоѣ рѣчь переводчикъ скажетъ, и третьему человѣку послу велѣно говорить рѣчь такову» (Котошихин); «Перевотчик ваш по-французски говорить умеет ли?» (1667—1669); «Рѣчь переводилъ перевотчикъ Иванъ Госенцъ по-латинне» (там же); «Потомъ бояринъ Василій Борисовичъ ... черезъ переводчика.. спрашивалъ хана о здоровьѣ» (1680).

Более широкое употребление слова *переводчикъ* вызвало некоторую неупорядоченность в использовании наименования *толмач*. В документах середины XVII века эти слова и родственные им нередко употребляются сбивчиво: «И Микифоръ рассказывалъ, а переводчикъ Иванъ толмачилъ» (1650—1652); «И тѣ ихъ [послов] рѣчи съ обѣ стороны, толмачатъ переводчики» (Котошихин); «И виделъ посланникъ, что талмачъ рѣчи не умѣлъ перевести» (1675—1678); «Сыщутъ они въ царстве толмача разумнаго и ученаго, которой бы могъ обоихъ великихъ государей грамоты и дела совершенно перевести» (там же); «И приказалъ [хан] по-прежнему толмачить переводчикомъ» (1680).

В дальнейшем слово *толмач* окончательно уступает место *переводчику*. В современном русском языке *переводчиками* называются лица, занимающиеся как устным, так и письменным переводом с одного языка на другой. Мы говорим: «переводчикъ Шекспира» и «беседа велась черезъ переводчика». А *толмач* воспринимается ныне как историзм. Следы его сохраняются также в фамилии Толмачев и в названиях московских переулков — Малый, Большой и Старый Толмачевские.

А. М. САБЕННИЦА

Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное названье еще драгоценнее самой вещи.

Гоголь. Предметы для лирического пера
в нынешнее время